

«Товар» труда

В предыдущем историческом обзоре мы только что отметили, что саботаж, известный как «Go Sanny», проистекает из капиталистической концепции, согласно которой человеческий труд является товаром.

Этот тезис поддерживают буржуазные экономисты. Они единодушно заявляют о существовании рынка труда, подобно тому, как существует рынок пшеницы, мяса, рыбы или птицы.

Учитывая это, логично, что капиталисты должны вести себя по отношению к «рабочему корму», который они находят на рынке, так же, как они покупают товары или сырье: то есть стремиться получить его по максимально возможной цене.

Это нормально, учитывая исходные данные.

Мы находимся в условиях закона спроса и предложения.

Однако менее понятно, что, по их мнению, эти капиталисты стремятся получить не количество труда, соразмерное выплачиваемой ими заработной плате, а, скорее, независимо от уровня этой заработной платы, максимальное количество труда, которое может произвести рабочий. Одним словом, они утверждают, что покупают не количество труда, эквивалентное сумме, которую платят, а внутреннюю рабочую силу рабочего: фактически, они требуют всего работника целиком – его тело и кровь, энергию и интеллект.

Заявляя это, работодатели не учитывают, что эта «рабочая сила» – неотъемлемая часть мыслящего существа, способного на волю, сопротивление и бунт.

Конечно, в капиталистическом мире всё было бы лучше, если бы рабочие были такими же бессознательными, как железные и стальные машины, которым они служат, и если бы у них, как и у них, вместо сердца и мозга были только котёл или динамо-машина.

Но это не так! Рабочие знают, в каких условиях им приходится работать, и если они терпят их, то не по своей воле. Они знают, что обладают «рабочей силой», и если они соглашаются на то, чтобы работодатель нанимал и «потреблял» определённое количество рабочей силы, они стремятся обеспечить более или менее прямую связь этого количества с получаемой ими заработной платой. Даже среди самых несознательных, среди тех, кто терпит гнёт работодателя, не подвергая сомнению его обоснованность, интуитивно возникает идея сопротивления капиталистическим притязаниям: они склонны не тратиться, не подсчитав затрат.

Работодатели не преминули отметить эту тенденцию рабочих экономить свою «рабочую силу». Именно поэтому некоторые из них умело парировали наносимый этим вред, прибегая

к конкуренции, чтобы заставить своих сотрудников забыть об этой ограничительной осмотрительности.

Так, строительные подрядчики, особенно в Париже, популяризировали практику, которая, кстати, начала выходить из употребления с 1906 года, то есть с тех пор, как рабочие корпорации объединились во влиятельные профсоюзы.

Эта практика заключается в найме «сильного человека», который на строительной площадке задаёт тон своим товарищам. Он «вкладывает» больше, чем кто-либо другой... и его необходимо поддерживать, иначе опоздавшие рискуют оказаться в центре внимания и быть уволенными как некомпетентные.

Такой подход ясно показывает, что эти подрядчики рассуждают о рабочих так же, как при заключении договора на приобретение машины. Подобно тому, как они приобретают машину с присущей ей производительной функцией [4], они рассматривают рабочего лишь как орудие производства, которое они претендуют приобрести целиком на определённый период времени, в то время как на самом деле они заключают с ним договор лишь на функцию его организма, которая выражается в реальном труде. Этот диссонанс, лежащий в основе отношений между работодателями и рабочими, выявляет фундаментальное противоречие интересов: борьбу класса, владеющего средствами производства, с классом, который, лишённый капитала, не имеет иного богатства, кроме своей рабочей силы.

Как только работники и работодатели вступают в экономический контакт, этот непримиримый антагонизм обнаруживается, раздвигая их на противоположные полюса и, следовательно, делая их соглашения нестабильными и эфемерными.

Между двумя сторонами, по сути, договор никогда не может быть заключён в точном и справедливом смысле этого слова. Договор подразумевает равенство договаривающихся сторон, их полную свободу действий, и, кроме того, одной из его характеристик является представление реального и личного интереса для всех его подписавших, как в настоящем, так и в будущем.

Однако, когда работник предлагает свой труд начальнику, две «договаривающиеся стороны» находятся далеко не в равных условиях. Работник, одержимый необходимостью обеспечить своё будущее, даже если он не страдает от голода, не имеет той безмятежной свободы действий, которой пользуется его работодатель. Более того, выгода, которую он извлекает из своего трудового договора, носит временный характер, поскольку, хотя он и находит там средства к существованию, нередко риск, связанный с работой, которой он подвергается, ставит под угрозу его здоровье и будущее.

Следовательно, между начальниками и работниками не могут быть заключены никакие обязательства, заслуживающие описания договоров. То, что обычно называют «трудовым договором», не обладает специфическими двусторонними характеристиками договора; это, строго говоря, односторонний договор, выгодный только одной из договаривающихся сторон, – обременительный договор.

Из этих наблюдений следует, что на рынке труда существуют только воюющие стороны, находящиеся в постоянном конфликте; Следовательно, все отношения, все соглашения между двумя сторонами могут быть лишь непрочными, поскольку они изначально порочны и основаны лишь на большей или меньшей силе и сопротивлении противников. Именно поэтому между работодателями и рабочими никогда не заключается – и не может быть заключено – прочное соглашение, контракт в лояльном смысле этого слова: между ними существуют лишь перемирия, которые, на время приостанавливая военные действия, вносят временное затишье в военные действия. Это два яростно сталкивающихся мира: мир капитала и мир труда. Конечно, возможно – и происходит – проникновение одного в другой; благодаря своего рода социальной капиллярности перебежчики переходят из мира труда в мир капитала и, забывая или отрицая своё происхождение, занимают место среди самых стойких защитников своей принятой касты. Но эти колебания в составе противоборствующих армий не отменяют антагонизма между двумя классами.

С обеих сторон интересы диаметрально противоположны, и эта противоположность проявляется во всём, что составляет ткань бытия. За демократическими декламациями, за лживым языком равенства самый поверхностный взгляд обнаруживает глубокие различия, разделяющие буржуазию и пролетариев: социальные условия, образ жизни, образ мышления, стремления, идеалы... всё! Всё различно!

Версия #1

□□□□□□□□ □□□□□□□□ создал 20 августа 2025 13:11:02

□□□□□□□□ □□□□□□□□ обновил 20 августа 2025 13:13:03